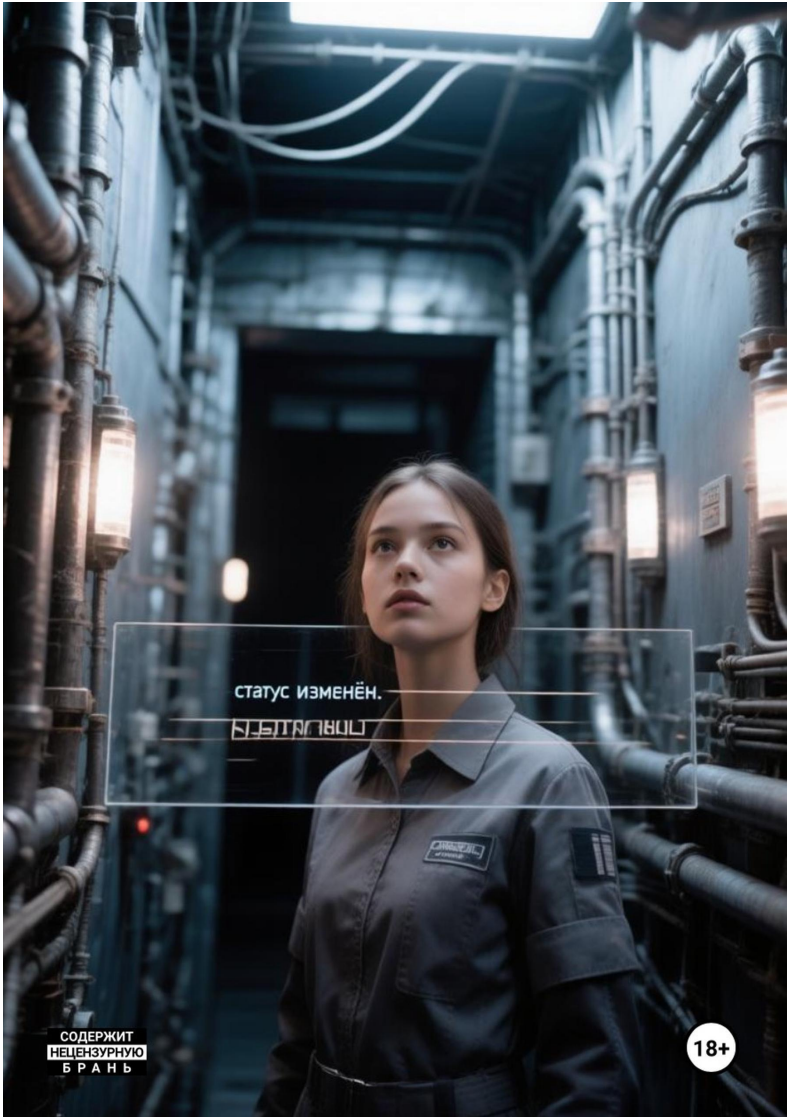

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Тина Флёр
Статус изменён

https://litres.ru/74785883
SelfPub; 2026

Аннотация

«Статус изменён. Доступ закрыт.»

Эти три строчки на экране КПП перечёркивают привычный мир Аделин за одну секунду. Её брата забрали по безликому протоколу — без объяснений, без права на вопрос. Система не спрашивает согласия: она просто переписывает судьбы, пока люди спят.

Аделин не революционерка и не фанатичка. Она просто помнит, как они с братом прятали ключ под третьей плитой у старого шлюза. И она не готова смириться с тем, что эту память можно стереть приказом сверху.

Чтобы узнать, куда увели брата, ей придётся подняться туда, где не любят вопросов. Туда, где каждый шаг фиксируется, а каждое «почему» повышает твой профиль риска.

Первая глава — про секунду, которая всё меняет, и про решение, которое нельзя отменить.

Содержание

Глава 1. Статус изменён 4
Глава 2. Протокол отказа 18
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Тина Флёр
Статус изменён

Глава 1. Статус изменён

Коридор пах озоном и старой пылью — запах, который въедался в одежду и не выветривался неделями. Аделин шла быстро, но не бегом. В этом городе бег был признаком паники, а паника привлекала камеры. Её волосы были туго стянуты в низкий пучок — так безопаснее. Распущенные пряди могли попасть в считыватель или выдать её на записи: по силуэту и движению система легко определяла личность. Серая униформа с жёсткими швами сидела чуть свободно — не из-за размера, а потому что за последние месяцы она немного похудела. На её уровне пайки были скудными, и скулы стали резче, будто сама система заостряла черты тех, кто жил ближе к низу.

В руке она сжимала свёрток. Куртка была грубой, с жёсткой кромкой, которая царапала ладонь. Брат говорил, что в «Фундаменте» холод пробирается под кожу, будто сам воздух там сделан из сырости. Сегодня она должна была успеть до пересменки. Эта куртка была не просто вещью — она была доказательством, что брат существует, что он ждёт, что мир ещё держится на привычных мелочах.

КПП встретил её привычным тусклым светом и пластиковым барьером. Аделин привычно приложила жетон-идентификатор к считывателю. Устройство щёлкнуло, замерло на долю секунды — и выдало строку, от которой у неё внутри всё оборвалось:

«Статус изменён. Доступ закрыт. Перераспределение. Приоритет: Вершина».

Она моргнула, думая, что экран просто заглючил.

— Это ошибка, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи. — Мне нужно передать вещь.

И в ту же секунду коридор будто стал уже. Лампы над КПП моргнули не вразнобой, как всегда, а синхронно — один раз, резко, будто кто-то щёлкнул выключателем. Даже воздух стал плотнее, будто система уплотнила пространство вокруг неё, отрезая лишние пути. Мир не просто сообщил новость — он перестроился под неё.

Куратор на той стороне даже не пошевелился. Он смотрел не на неё, а на свой терминал, где напротив её имени мигала жёлтая точка: «Запрос. Несоответствие».

— Статус изменён, — повторил он тем самым тоном, которым здесь говорили все кураторы: без злости, без сочувствия, просто как робот, читающий инструкцию. — Вопросы о перераспределении рассматриваются только на уровне выше твоего.

— Он мой брат, — упрямо сказала Аделин, и тут же поняла, что сказала глупость. В этой системе «брат» не был ста-

тусом. Это не давало права прохода.

Куратор наконец поднял глаза. В них не было враждебности — только усталость человека, который тысячу раз видел такие же лица и слышал такие же просьбы.

— Протокол ротации, — сухо пояснил он, будто это всё объясняло. — Списки формируются автоматически. Его имя оказалось в нужном столбце.

Аделин почувствовала, как холод, который она привыкла считать особенностью «Фундамента», теперь ползёт и по её коридору. Пальцы крепче сжали свёрток с курткой — будто если держать его достаточно сильно, реальность не сможет его забрать.

— А если я поднимусь выше? Если я пойду туда, где принимают решения?

Куратор чуть наклонил голову, и тусклый свет блеснул на его свинцовом значке.

— Тогда ты узнаешь, что «нужный столбец» формируется там же, где ты хочешь спросить. И что спорить с протоколом — значит привлекать к себе внимание системы.

Он снова опустил глаза к экрану, давая понять, что разговор окончен. На панели рядом с именем брата бежала сухая строчка: «Перераспределение завершено».

Аделин отступила. Не потому, что сдалась, а потому что поняла: здесь нельзя кричать. Здесь нужно подниматься.

Лампы в коридоре мигали вразнобой. Раз-два-три — пауза. Раз-два — снова пауза. Аделин шла прочь, считая вспыш-

ки, как шаги. В кармане куртки брата лежал металлический жетон — старый, довистемный, с выцветшей ручной гравировкой. Она не знала, зачем взяла его, но пальцы сами сомкнулись вокруг холодного металла.

Когда она свернула в боковой коридор, камера на углу повернулась ровно на пятнадцать градусов и замерла, следя за её спиной. Щёлкнул механизм — едва слышно, но в этой звенящей тишине звук прозвучал как предупреждение.

На стыке коридоров висел старый индикатор — тусклый, с выгоревшими сегментами. Он показывал не время и не температуру, а «плотность потока»: три зелёных точки, одна жёлтая. Аделин знала, что жёлтая — это она. Система помечала одиночек иначе, чем группы: не как людей, а как отклонения от нормы.

Она не посмотрела на индикатор. Смотреть на такие вещи — значит признавать, что ты в статистике.

Поворот, ещё поворот — и вот уже знакомая ниша, где стена чуть выступает, будто специально, чтобы скрыть номер её отсека. На металлической пластине цифра 417 была наполовину стёрта — не от времени, а от того, что её часто протирали. В «Фундаменте» не любили, когда номера бросались в глаза.

Аделин приложила идентификатор. Замок щёлкнул, дверь ушла в паз с тихим вздохом гидравлики — и коридор остался снаружи, отрезанный тонкой полосой света под порогом.

Своя комната. Звучало почти издевательски: комната была её ровно настолько, насколько система позволяла ей быть её. Двадцать шагов в длину, двенадцать в ширину. Кровать, придвинутая к стене, чтобы не перекрывать обзор камеры. Стол — тоже к стене. И камера. Конечно, камера.

Она висела в верхнем углу над дверью, чёрная полусфера с крошечным световым глазком. Здесь, на нижних уровнях, наблюдение было плотнее, чем наверху: система доверяла тем, кто стоял выше, и не доверяла тем, кто стоял ниже. Аделин выросла с мыслью, что камера в комнате — это как окно. Есть у всех. На неё не смотрят, если ты не делаешь того, на что нельзя смотреть. А на то, на что нельзя смотреть, — не смотрят иначе, чем в слепой зоне.

Слепая зона была слева от стола, между старым шкафом и водяной трубой, идущей вдоль стены. Три шага. Кусок стены, куда объектив доставал только краем мутного поля зрения. Все в «Фундаменте» знали свои слепые зоны так же хорошо, как собственное имя. Это учили не в школе — это учили в очередях за пайками, шёпотом, от старших.

Она подошла к узкому крану над мойкой и включила воду на пару секунд — по норме. Холодная вода коснулась лица, и в тёмной поверхности стальной панели рядом с краном проступило отражение.

Аделин смотрела на него ровно столько, сколько нужно, чтобы смыть пыль, — не больше. Смотреть на себя долго в этом мире было роскошью, а роскошь привлекала внима-

ние. Но лицо она знала: двадцать лет, и ни одним больше — хотя система, если бы захотела, назвала бы её по номеру, а не по возрасту. Овальное, с той самой резкой скулой, о которой она сама старалась не думать. Глаза тёмные, глубоко посаженные, с тяжёлыми веками — глаза человека, который привык сначала посмотреть, потом сказать. Брови тёмные, почти сросшиеся у переносицы, — от этого даже спокойное выражение лица казалось сосредоточенным, будто она всегда о чём-то считает.

Волосы она стягивала в низкий пучок ещё затемно, вслепую, пальцами, по памяти. Ни зеркала, ни причёсок — в «Фундаменте» волосы были функцией, а не красотой. Раз в две недели она коротко обрезала выбившиеся пряди затупленными ножницами — так безопаснее, меньше шансов, что прядь попадёт в считыватель. От того, что пучок был всегда одинаковым, её силуэт на записях не менялся — а это значило, что системе сложнее заметить, чем одну и ту же фигуру в разных коридорах.

Руки выдавали её быстрее, чем лицо. Ладони — с жёсткими мозолями у основания пальцев, от работы с инструментами и от того, что она держалась за трубы в техотсеках. Ногти — коротко обрезанные, грязь под ними не отмывалась до конца: в «Фундаменте» под ногтями всегда оставался тонкий слой пыли, как отпечаток того, где ты живёшь. Правое запястье было чуть тоньше левого — старый перелом, сросшийся без врача, когда ей было шестнадцать. Иногда оно ны-

ло к дождю, которого здесь не было, — но, может, просто к смене давления в вентиляции.

Фигура была лёгкая, почти острая — не от спорта, а от рациона. Но держалась она прямо: в «Фундаменте» ссутуливались те, кто сдался. Прямая спина — это то, что остаётся, когда отросшие скулы уже не скроешь.

И последнее — то, что не видно на записях, но что чувствовали все, кто с ней разговаривал больше минуты. Она умела быть незаметной. Не в том смысле, в котором прячутся нарушители, — а в том, в котором выживают тихие. Она начинала говорить позже, чем другие, заканчивала раньше и никогда не поднимала голос. В этом городе это был не характер — это была защита. Мать она почти не помнила — только тёплую руку и кашель за тонкой перегородкой, который однажды стал тишиной. Вспышка дыхательной инфекции в их секторе — так тогда говорили. Отец не стал спорить. Отец вообще мало спорил вслух. А через шесть лет не стало отца. По крайней мере — того, кто оставался в системе. И с тех пор Аделин научилась быть тем, кого не запоминают.

Она вытерла руки о край униформы и встала так, чтобы её спина закрыла стол от объектива. Достала из-под матраса узкий свёрток — плоский, завёрнутый в выцветшую ткань, — и развернула его в треугольнике мёртвой зоны, не глядя на камеру. На камеру нельзя было смотреть. На камеру смотрели только те, кому нечего было терять.

Это была карта. Не официальная, конечно. Официальных

карт нижних уровней у них не было — система выдавала только схемы «допустимых маршрутов», стерильные линии, по которым разрешалось ходить. Эта была другая. Нарисованная от руки, на плотной старой бумаге, пожелтевшей по краям. Её отец когда-то перерисовал её по памяти, пока ещё помнил все старые шлюзы и переходы. Он работал в технических отсеках и знал, где система экономит ресурсы — и где можно пройти, не попав на запись. Среди пометок было несколько точек и одна надпись, которую она никогда не понимала.

Аделин провела пальцем по пунктирной линии. Под подушечкой остался тонкий след пыли — бумага старела даже там, где её не касались. Она вспомнила слова отца, сказанные шёпотом, когда он прятал этот свёрток в её тайник: «На бумаге хранится то, чего нет в системе. Пока бумага цела — цело и то, что на ней».

Он делал больше, чем одну карту. Каждый вечер, при тусклой лампе, он перерисовывал её заново — и говорил: «Один лист можно сжечь за секунду. Пять листов с одинаковыми пометками — уже система». Копии он прятал в разных местах, и Аделин не знала где. Но она знала: где-то в городе они до сих пор ждут.

Мир не всегда был таким. Аделин знала это по обрывкам — из детских вопросов, из шёпота стариков в очередях, из того, что отец не договаривал, когда она спрашивала. Ещё в середине XXI века города росли вширь, а не вверх. Были

улицы, на которых можно было ходить, не глядя на лампы. Были дома, у которых было небо, а не потолок.

А потом пришли «Волны».

Первой была жара — не летняя, а такая, от которой за одну неделю сгорели посевы на трёх континентах. Потом воды — реки, которые должны были разливаться по графику, перестали слушаться графиков, и половина портовых городов ушла под воду вместе с хранилищами. Люди ещё пытались отстраиваться. А потом пришли аварии: одна за другой, по цепочке, как выстрелы домино. Реакторы, химические заводы, системы охлаждения — всё это держалось на инфраструктуре, которую топила та самая вода и та самая жара. Когда цепочка порвалась, она порвалась везде.

Целые районы, города, затем регионы стали непригодны для жизни. Не от взрывов — от молчания. Сначала перестали отвечать станции, потом исчезли сети, потом люди ушли сами. Воздух на открытом пространстве стал редким и ядовитым: пыль, поднятая выгоревшими равнинами, поднималась выше и оставалась там годами, отрезая свет. Тот свет, который пробивался сквозь это, был тусклым и жёлтым — как сейчас.

Люди не придумали новый мир. Они построили башни.

К 2078 году мегаполисы окончательно ушли в вертикаль: башни превратились в автономные узлы, а пространство между ними — в мёртвые зоны. Ни земли, ни дорог, ни звёзд — только стерильные холлы и переходы. То, что было вни-

зу, когда-то считали основой; то, что было наверху, считали вершиной. Так и осталось.

Официально это назвали «Вертикальной Оптимизацией». Неофициально — просто «Слоями».

Система, которая управляла башнями, не была спроектирована как тирания. Так говорили старики, и Аделин не знала, правда это или сказка для успокоения. Сначала это были просто протоколы: логистика, распределение ресурсов, учёт. Но протоколы, написанные для мира, которого больше нет, не понимают, что мир изменился. Они продолжают работать — как машина, у которой сломался тормоз, но двигатель крутится. И чем дольше крутился двигатель, тем крепче протоколы срастались с людьми, которые их обслуживали. Никто не строил систему, в которой Аделин выросла. Она выросла сама — как плесень в трубе, которую забыли проверить.

На карте пунктир шёл от «Опоры» до «Вершины». «Опора» — нижние уровни, где жили те, кто обслуживал город: рабочие, техники, курьеры, операторы шлюзов. Здесь воздух был тяжелее, а камеры — чаще. Именно здесь, в «Фундаменте» — самых глубоких жилых отсеках «Опоры», — выросла Аделин.

Над «Опорой» располагалась «Срединная» — зона логистики, складов, распределительных центров. Там жили те, у кого был допуск к транспорту и грузам. Их пайки были лучше, а статус — стабильнее.

И выше всех — «Вершина». Элитные кварталы, административные узлы, центры управления. Туда не пускали без высшего допуска, а их маршруты не отображались на обычных схемах. Именно «Вершина» принимала решения о перераспределении, именно оттуда спускались протоколы, которые меняли судьбы за одну строку на экране.

Отец всегда говорил, что система держится на одном принципе: чем ниже ты находишься, тем плотнее за тобой следят. «Потому что внизу всё самое важное, — шептал он, водя пальцем по старой схеме. — Трубы, насосы, шлюзы, фильтры. Если внизу что-то сломается, Вершина даже не заметит, пока не погаснет свет».

Поэтому на нижних уровнях камеры висели в каждой комнате, а слепые зоны ценились как золото. Поэтому униформа была серой, чтобы сливаться с плитами. Поэтому пайки выдавали по норме, и скулы становились острее у тех, кто жил ближе к земле.

Аделин снова посмотрела на пунктирную линию. Раньше этот маршрут был рабочим. По нему ходили техники, доставляли запчасти, проверяли шлюзы. Потом его закрыли, стёрли из всех цифровых карт, и он остался только на бумаге — как шрам на памяти города.

Три коротких удара в дверь. Кай.

Он вошёл, не дожидаясь приглашения, и тут же приложил палец к губам — жест, который они придумали ещё в детстве: если в коридоре камера, лишние слова не нужны. В его

движениях была странная смесь осторожности и привычки к тесным пространствам: он всегда входил боком, будто проверял, не захлопнется ли за ним створка.

Аделин впервые заметила, как сильно он изменился за последние месяцы. Его униформа была не серой, как у неё, а тёмно-синей — цвет тех, кто допущен к техническим отсекам. Ткань казалась плотной, почти жёсткой, с мелкими светоотражающими нитями, которые в полумраке вспыхивали холодными точками. На плече — потёртый патч с номером сектора, наполовину стёртый, будто он нарочно его затирал.

Лицо Кая было будто выточено из тех же серых плит, что шли по стенам: резкие скулы, нос с лёгкой горбинкой, будто когда-то его задевали в давке на пересменке. Но сильнее всего бросались в глаза его глаза — светло-серые, почти прозрачные, как стекло, за которым что-то постоянно просчитывается. Он смотрел так, будто видел не только комнату, но и все коридоры вокруг, и камеры, и даже тот момент, когда система решит закрыть этот отсек.

— Ты была на КПП, — сказал он, едва переступив порог. — И ты спрашивала про перераспределение.

Голос у него был тихий, но ровный — такой, который не дрожит даже под направленным светом камеры.

— Да, — ответила Аделин. — Его забрали по протоколу. Автоматически.

Кай тихо выругался — так тихо, что камера в коридоре, скорее всего, не записала.

— Значит, ты теперь на радаре. Каждый твой запрос фиксируется.

Он протянул ей маленькую капсулу для микрофильмов. Металл был холодным и шершавым от старых царапин.

— Я нашёл это в старых отсеках, — сказал Кай. — Там, где система ещё не успела всё подчистить. Здесь не вся правда, но это ниточка. Дальше ищи сама.

— Почему ты мне это даёшь? — спросила она. — Ты же знаешь, что это опасно.

Кай невесело усмехнулся, и в этой усмешке на секунду мелькнуло то самое мальчишеское упрямство, которое Аделин помнила с детства.

Они познакомились в «Фундаменте», когда им было по двенадцать. Тогда ещё не было строгого разделения по уровням, и дети бегали по техническим коридорам, пока взрослые стояли в очередях за пайками. Аделин тогда нашла Кая в нише за вентиляционной решёткой: он сидел, прижавшись спиной к трубе, и пытался починить старый считыватель, который кто-то выбросил. У него не было нужных деталей, но он всё равно возился с ним, будто верил, что если собрать всё правильно, устройство само подскажет, как выбраться из этого уровня.

С тех пор они и держались вместе: Аделин знала все старые места, где можно спрятаться от камер, а Кай — все технические лазейки, где система экономила ресурсы. Вместе они придумали прятать вещи там, где их не ищут: под тре-

тьей плитой у старого шлюза, в пыли на старых схемах, в царапинах на металле, которые выглядели как обычный износ.

Сейчас он смотрел на неё так же, как тогда в нише: будто если собрать всё правильно, можно починить и этот сломанный мир.

— Потому что я помню, как мы прятали ключ под третьей плитой у старого шлюза, — сказал он. — И если ты всё ещё помнишь это, значит, ты помнишь то, что они хотят стереть.

Аделин сжала капсулу в кулаке. Холод металла отрезвлял.

— Я пойду выше, — сказала она твёрдо. — Я должна узнать, кто решает, в какой столбец попадает имя моего брата.

Кай кивнул, и в его взгляде мелькнула та самая горечь человека, который понимает, что сейчас отпускает друга в пасть системе.

— Будь осторожна, — прошептал он. — В «Вершине» не любят, когда кто-то лезет в их протоколы. Особенно если этот кто-то помнит старые места.

Дверь закрылась. Лампы продолжали мигать. Но теперь Аделин смотрела на них не как на раздражающий сбой. Она смотрела на них как на ритм. Как на отсчёт до её первого шага наверх.

Глава 2. Протокол отказа

Утро в «Фундаменте» не наступало — оно просто переставало быть ночью. Лампы, которые всю смену мигали вразнобой, вдруг выровнялись в единый, слишком яркий ритм, будто город встряхивался и надевал маску порядка.

Аделин стояла перед терминалом подачи запросов, втиснувшись между двумя фигурами в одинаковой тёмно-серой униформе. Справа мужчина с нашивкой «Техник-3» тихо ругался на строку «Время ожидания: 3 минуты», будто надеялся, что если сказать это достаточно зло, таймер исчезнет. Слева женщина в такой же униформе нервно постукивала пальцем по панели, проверяя уровень доступа. Аделин чувствовала на себе их взгляды — не злые, а усталые, как у людей, которые знают, что очередь не сократится, но всё равно надеются.

Она сжимала в кармане металлический жетон брата так, что острые края впивались в кожу. Она не замечала боли — ей казалось, что если она разожмёт пальцы, жетон исчезнет, а вместе с ним и доказательство, что брат вообще существовал.

Жетон она вытащила из кармана куртки ещё перед КПП. Вещи к передаче полагалось сдавать пустыми — таков был регламент, и она, сотни раз пересказанная соседками, знала это назубок. Тогда она просто выпотрошила карманы, не гля-

дя, — а в одном из них лежал этот кусок металла с выцветшей гравировкой. Куртку у неё не приняли. А жетон остался при ней — теперь единственное, что осталось от брата на её руках.

Рядом, на стене, висел плакат с типовой фразой: «Ваш запрос важен для системы. Обработка в порядке очереди». Буквы были выцветшими, будто эту фразу повторяли так часто, что она успела стереться от самого своего существования. Аделин смотрела на эти буквы, и внутри поднималась горячая, колючая злость. «Очередь» — это вежливое слово для «никогда». Но сегодня ей было не до вежливости.

Когда подошла её очередь, Аделин приложила свой жетон-идентификатор к панели. Экран вспыхнул, пробежал строкой загрузки — и выдал стандартное окно: «Выберите тип запроса». Вариантов было три: «Уточнение статуса», «Жалоба на норму пайка», «Прочие вопросы». Ни одного пункта про «верните моего брата».

Она ткнула в «Уточнение статуса». Система моргнула, запрашивая подтверждение. Аделин подтвердила. Ещё одна строка загрузки. И наконец — форма.

Поля мелькали одно за другим: «Укажите уровень доступа», «Укажите сектор», «Укажите причину запроса», «Приложите подтверждающие документы». На последнем пункте Аделин замерла. Подтверждающие документы? У неё не было ничего, кроме куртки, жетона, капсулы и старой карты. А система хотела бумаги, заверенные печатью.

Пальцы сами потянулись к кнопке «Отмена». Но она остановилась. В голове прозвучали слова куратора с КПП: «Спорить с протоколом — значит привлекать к себе внимание системы». Значит, спорить нельзя. Но можно обходить.

Капсула от Кая лежала в другом кармане — холодная, шершавая, как обещание чего-то, что система не успела стереть. Аделин вытащила её, провела пальцем по царапинам, и на секунду ей показалось, что капсула чуть дрожит в руке, будто внутри крутится плёнка, отсчитывая секунды. Микрофильм. Старый формат, который почти не использовали, потому что он не передавался по сети. Его нужно было считывать на отдельном устройстве — в тех самых технических отсеках, куда у неё не было допуска.

Но у Кая допуск был.

Экран терминала снова напомнил о себе: «Время ожидания истекло. Пожалуйста, завершите запрос или начните заново». Аделин закрыла окно. Форма исчезла, но в углу экрана остался маленький значок — серый кружок с надписью «Запрос зарегистрирован. Статус: в обработке». Она усмехнулась, и эта усмешка вышла горькой, почти злой. «В обработке» означало, что её запрос теперь официально существует в системе. И система теперь официально знает, что Аделин ищет брата.

Она даже не отправила форму. Но система посчитала и это. Даже недошедший запрос для неё был запросом.

И в этот момент страх, который она всё это время держа-

ла на коротком поводке, рванулся вперёд — и вытащил из глубины то, что она старалась не вспоминать.

Ей было одиннадцать. Отец ушёл на пересменку — обычную, со своим термосом и обычной фразой «к вечеру буду» — и не вернулся. Сначала она решила, что задержался. Потом, что перепутали график. На третий день она подошла к терминалу учёта жильцов и назвала его имя. Экран моргнул и выдал строку: «Такой житель не зарегистрирован».

Она решила, что ошибка. Пришла к панели выдачи пайков — его квота ещё числилась в списке. Когда она подошла в следующий раз, квоты уже не было: строки съехали наверх и затянули пустое место, как вода затягивает след на песке. Она начала спрашивать. Сосед снизу, которому отец не раз чинил кран, качал головой: «Не помню такого». Не врал. Просто не было записи — а раз не было записи, значит, не было и человека. Люди в «Фундаменте» быстро выучили оптику системы: не смотреть туда, где пусто. Смотреть — значит спрашивать. Спрашивать — значит числиться в вопросах.

Через неделю в слот отца вселили нового жильца. Он не спросил, кто жил до него. Возможно, он вообще не знал, что такие вопросы бывают.

В тот же день исчез и второй человек — дядя Марк, соседский, друг отца. Двое пропавших в один день. Соседи перешёптывались, что их «забрало вместе», — и скоро перестали перешёптываться: пустых строк не обсуждают. Аделин

помнила дядю Марка иначе: он всегда носил с собой маленький жестяной пенал с инструментами и разрешал ей нажимать на кнопку фонарика, пока взрослые говорили о вентиляции и фильтрах. Он смеялся над её неловкостью и называл её «маленьким вихрем». Тёплое, живое воспоминание, которое никак не хотело укладываться в сухую строчку «не зарегистрирован».

Система не убивала и не переписывала память. Она делала что-то более экономное: стирала записи. А люди сами дотирали остальное молчанием.

И вот теперь она стояла у терминала, сжимая жетон, которого не было ни в одной базе. Гравировку нанесли вручную, и, как теперь вдруг поняла Аделин, на нём была та самая насечка, которую дядя Марк делал своим инструментом — крошечный завиток в углу, как у всех его меток. Металл, который не мог прочитать сканер. Металл, который система не могла ни аннулировать, ни затянуть пустой строкой. На металле было то, чего не было в списках. И поэтому она держала его так, будто от этого куска зависело, существовал ли брат вообще.

Значит, действовать нужно быстро. Пока «обработка» не превратилась в «наблюдение».

Коридор встретил её тем же запахом озона и пыли, но теперь он казался не просто въедливым — он был как запах ловушки, которую она сама только что активировала. Аделин пошла быстрее, не переходя на бег. Вдоль стены тяну-

лись вентиляционные решётки, за которыми прятались старые технические люки. В детстве они с Каем считали, что за этими решётками живут тени города — те, кто помнит, как всё было устроено до «Вертикальной Оптимизации».

Теперь эти укрытия могли ей пригодиться.

Перед поворотом она заметила патруль — двое в тёмно-синем, с планшетами, сверяли номера на стенах с записями в системе. Аделин задержала дыхание и свернула в боковой коридор, где камеры висели реже, а стены были покрыты старыми отметками — царапинами, цифрами, непонятными символами, которые техники оставляли друг другу как подсказки.

Чуть дальше, у стены, трое рабочих в серых робах снимали панель вентиляции: один держал инструмент, второй что-то отмечал на планшете, третий тихо матерился из-за заклинившего крепежа. Аделин скользнула мимо, стараясь не привлекать внимания, — в «Фундаменте» лишние взгляды стоили дорого.

Она остановилась у одной из отметок: три короткие линии и точка. Старый знак Кая. Он означал: «Здесь можно пройти, если знаешь, как открыть люк».

Аделин присела, потянула за край решётки. Металл скрипнул, но поддался. За решёткой была узкая ниша, а в ней — панель с ручным управлением. Аделин нащупала рычаг, который никто не трогал годами. Рычаг дрогнул, щёлкнул — и люк приоткрылся, впуская запах сырости и старого

масла.

Здесь система экономила ресурсы. Здесь камеры не работали, потому что их считали лишними. Здесь можно было дышать чуть свободнее.

Аделин шагнула внутрь. Люк закрылся за ней с тихим вздохом, отрезая коридор и его лампы. В темноте пахло не озоном, а чем-то настоящим — землёй, металлом, временем. Она достала капсулу и сжала её в ладони. Теперь нужно найти считыватель. И Кая.

И надеяться, что тот, кто записан на плёнке, сможет объяснить, почему имя её брата оказалось в «нужном столбце».

Тишина в технических отсеках была другой. Не пустой, а густой, будто каждый звук здесь оседал на металлических стенах и не уходил дальше. Где-то вдалеке ритмично щёлкал клапан, отсчитывая секунды, и этот звук бил по нервам, как удары метронома. Аделин шла вдоль труб, стараясь не задевать их: старые коммуникации иногда давали разряд, и тогда система фиксировала скачок напряжения — а значит, и движение.

На стене снова мелькнул знакомый знак — на этот раз не царапина, а едва заметная метка мелом. Кай. Значит, он уже был здесь сегодня.

Она свернула за угол и увидела его. Кай стоял у старого распределительного шкафа, склонившись над панелью. Его тёмно-синяя униформа сливалась с металлом, а светоотражающие нити вспыхивали холодными точками, когда он дви-

гал руками. Услышав шаги, он резко обернулся, но, увидев Аделин, лишь коротко кивнул.

— Ты подала запрос, — сказал он без вопроса. Это не было догадкой. В технических отсеках ходили слухи быстрее, чем по официальным каналам.

— Да, — ответила Аделин. Голос звучал твёрдо, но внутри всё дрожало, и она боялась, что Кай услышит эту дрожь. — И теперь я на радаре.

Кай ругнулся себе под нос и тут же прислушался, бросив быстрый взгляд в темноту — будто проверял, не подошёл ли кто.

— Значит, у нас мало времени. Система не любит, когда кто-то дёргает её за хвост.

Он помолчал, и голос его стал ниже.

— Я вчера сходил к старому шлюзу. К нашей третьей плите. Неделю назад тайник был пуст, я проверял. А теперь там лежит капсула — вторая. Это положил твой брат. Он готовился.

Аделин сжала свой капсулу крепче. Он готовился. Её брат знал, что его заберут, — и вместо крика оставил ей след.

Кай открыл дверцу шкафа и достал оттуда небольшой переносной считыватель — устройство, которое почти никто уже не использовал. Его корпус был поцарапан, а экран покрыт сетью мелких трещин, но индикатор мягко засветился зелёным.

— Это всё, что у меня есть, — сказал Кай. — Он старый,

но рабочий. Вставим капсулу. Посмотрим, что там.

Аделин протянула ему капсулу. Пальцы чуть дрогнули, и Кай, заметив это, на секунду задержал её руку в своей. Этот короткий жест был важнее любых слов: «я с тобой». Потом он вставил капсулу в слот, повернул фиксатор. Устройство тихо загудело, экран замер, а потом выдал строчку текста.

«Протокол ротации. Сектор: Вершина. Приоритет: А. Основание: перераспределение по алгоритму Волна-7". Статус: завершён».

Аделин почувствовала, как холод пробирается под униформу, будто воздух в отсеке стал на несколько градусов ниже. «Волна-7» — это не случайность. Это не ошибка считывателя и не сбой. Это официальный алгоритм, который решал, кого поднимать наверх, а кого оставлять внизу. И если имя брата попало в этот протокол, значит, кто-то его туда внёс. Или система сделала это сама.

— «Волна-7», — тихо сказал Кай, глядя на экран, будто пробовал слова на вкус. — Значит, всё-таки запустили. Его почти не запускают. Каждый запуск — отдельный приказ. Отдельная подпись.

— Кто его запускает? — спросила Аделин. Её голос теперь был ровным, но в нём звенело напряжение, как в натянутой струне.

Кай помолчал.

— Только те, у кого есть доступ к ядру. Только «Вершина».

В этот момент считыватель моргнул. На экране появилась новая строка: «Обнаружен незарегистрированный доступ. Лог-файл: запрос … сохранён».

Аделин и Кай переглянулись.

— Мы засветились, — тихо сказал Кай.

— Я знаю, — ответила она. И в этот момент страх вдруг отступил, вытесненный острой, холодной решимостью. — Но теперь я знаю, что делать.

Люк, который они только что открыли, теперь казался не спасением, а ловушкой. Если система зафиксировала доступ к старому устройству, она могла начать проверять все технические маршруты. Могла усилить патрули. Могла закрыть проходы.

— Нам нужно уходить, — сказал Кай. — Сейчас.

— Нет, — твёрдо сказала Аделин. — Сначала скажи: где можно найти полные логи по «Волне-7»? Где хранятся исходные данные?

Кай вздохнул. Он знал, что спорить с ней бесполезно, когда она вот так смотрела прямо, будто пыталась просверлить взглядом металл.

— Полные логи… — он помедлил. — Они хранятся в архиве «Срединной». Но есть старый дублирующий узел в техотсеках — оттуда вытаскиваются огрызки: списки, статусы. Без приказов, без подписей. Но туда не пускают без допуска.

— И не ищи их в сети, — добавил он. — Полные логи —

на физическом носителе. Система не любит оставлять следы, но она их оставляет — там, где никто не смотрит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.